

Слово : русская нац.-демокр.

газета, №.667 (28.10.1927)

Мировоззрѣніе Достоевскаго.

Послѣдняя лекція проф. Ф. А. Степуна.

Вчера въ залѣ Большой Гильдіи лекцію о Достоевскомъ проф. Ф. А. Степунъ читалъ по-нѣмецки, что, очевидно, не помѣшало ему во всю ширь развернуть свой блестящій ораторскій талантъ, и привлечь слушателей глубиной и чарующимъ блескомъ своихъ мыслей.

Тема о Достоевскомъ, какъ о писателѣ и мыслителѣ слишкомъ обширна, чтобы ее можно было очернить хотя бы схематически въ одномъ докладѣ и потому, естественно, что Ф. А. Степунъ вчера остановился только на самомъ основномъ и центральномъ въ творчествѣ нашего великаго писателя.

— Въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ, — вспоминаетъ профессоръ, — Станиславскій ставилъ сцены изъ «Бисовъ» и, какъ уже водится въ этомъ театрѣ, въ строго натуралистическихъ тонахъ. Всѣ бытовые особенности, характерныя для Россіи 60-хъ г.г., были строго соблюдены при постановкѣ, но впечатлѣніе получилось такое, что это все же играютъ не Достоевскаго, что такъ Достоевскаго ставить нельзя.

Дѣло въ томъ, что Достоевскій не бытописатель, что онъ не изображаетъ жизнь, не выводитъ въ своихъ романахъ опредѣленные типы, какъ Толстой и Тургеневъ. Характеризуя своихъ героев, онъ дѣйствительно любитъ детали, иногда очень подробно описываетъ наружность героев, ихъ туалеты, манеры и др. Но, создавъ какъ будто образъ живого человѣка, онъ затѣмъ эти детали самъ же и сглаживаетъ, уничтожаетъ, такъ что въ конечномъ

итогѣ персонажи его романовъ все же не живые люди, а какія-то полуреальные существа. Судить объ ихъ социальномъ положеніи, повседневной жизни, занятіи и пр., т. е. о всѣхъ томъ, что въ совокупности своей помогаетъ вычерчивать подлинно-живого человѣка въ опредѣленной социальной средѣ, — можно только приблизительно, оцѣну.

Происходитъ это потому, что для Достоевскаго человѣкъ и его судьба есть основная и единственная тема и интересуется онъ имъ не какъ явленіемъ природнаго міра, а какъ центромъ бытія, въ которомъ загадка мировой жизни.

Всѣ его главные персонажи, рѣзко распределенные по двумъ группамъ, относятся къ «темнымъ», одержимымъ протестивской гордостью самовластья и къ «свѣтлымъ», положительнымъ типамъ, — и тѣ, и другіе — люди загадки и всѣ выведенныя въ романахъ лица бытуютъ надъ разгадываніемъ ихъ необычайной судьбы. Всѣхъ притягиваетъ эта загадочная тайна и никто не можетъ найти себѣ покоя, прежде, чѣмъ разгадаетъ тайну, къ примѣру Версилова въ «Подросткѣ» или Ставрогина въ «Бѣсахъ». Разгадываніе человѣка, его судьбы — есть единственное дѣло, которымъ заняты персонажи Достоевскаго. Интересно, что въ то время, какъ «темные» — Ставрогинъ, Версиловъ, Иванъ Карамазовъ разгадываются, къ нимъ все движется, «свѣтлые» — Мышкинъ, Алеша, сами разгадываютъ другихъ.

Эта страстная устремленность человѣка къ человѣку; это вѣчное исцѣпленіе разгадки тайны приводитъ къ грандиознымъ коллизіямъ, къ буйнымъ поступкамъ. Все въ романахъ Достоевскаго несетъ въ какомъ-то огненномъ вихрѣ, все кружится въ этомъ вихрѣ.

Романы Достоевскаго даже не романы въ томъ смыслѣ этого слова, а грандиозныя трагедіи, и не романность-психологъ Достоевскій, а трагикъ, и основная тема его романовъ-трагедій — тема о свободѣ. Судьба человѣка, его страдальческія странстванія у Достоевскаго опредѣляются свободой его (человѣка).

Бремя свободы — самое тяжкое бремя, возложенное на человѣка, но Достоевскій не хотѣлъ лишить человѣка отъ страданій цѣною лишенія его свободы. Можно было бы облегчить муки человѣческой, отливъ у человѣка свободу по плану Великаго Инквизитора или коммунистовъ, но Достоевскій отвергаетъ эти пути принужденія къ добру, такъ какъ понимаетъ, что принудительное добро не есть уже добро, оно, какъ тѣнцѣ въ себѣ открытое насиліе (коммуны) или скрытый обманъ (Великій Инквизиторъ) перерождается въ зло.

Существуютъ двѣ свободы: первая, низшая — свобода выбора зла и добра, и вторая, высшая — свобода въ Богѣ, въ добрѣ. Или, иными словами, существуетъ свобода на пути къ Истинѣ и утвержденіе Истинѣ въ свободѣ. Но первая свобода предполагаетъ возможность выбора и зла, и эту трагическую судьбу свободы и по-

пытываетъ Достоевскій въ судьбѣ своихъ героев: свобода переходитъ въ своеволие, въ бунтующее самоутвержденіе человѣка, въ рабство и гибель, если человѣкъ не хочетъ знать ничего вышшаго, чѣмъ человѣкъ.

Съ основной темой о свободѣ у Достоевскаго сплетается тема о любви. Онъ раскрываетъ безвыходный трагизмъ любви, неосуществимость ея и переживаемость ея на путяхъ жизнеустроения. У Достоевскаго нѣтъ ни прелести любви, ни благообразія жизни семейной. Нельзя найти у Достоевскаго и культа вѣчной женственности, такъ какъ его интересуетъ только мужская судьба, а женщина есть лишь встрѣчавшаяся въ этой судьбѣ трудность.

И любовь у Достоевскаго обычно двухъ, но по разному, это двоеміе любви изображено имъ съ необычайной силой, напримѣръ, въ «Идіотѣ» въ любви князя Мышкина къ Аглаѣ и любви-страданія его къ Настасьѣ Филипповнѣ, и въ «Подросткѣ» въ страсти Версилова къ Екаторинѣ Николевнѣ и любви-жадности къ законной женѣ. Но въ творчествѣ Достоевскаго есть лишь одна тема — трагическая судьба человѣка, судьба свободы человѣка и любовь, какъ одна изъ сторонъ проявленія человѣческаго своеволия лишь одинъ изъ моментовъ въ этой борьбѣ. У Достоевскаго Богъ борется съ Дьяволомъ и территория, на которой происходитъ борьба — человѣкъ, и окончательный исходъ борьбы зависитъ отъ самого человѣка.

С. Горданъ.